

СЕРГЕЙ ЛУНАЧАРСКИЙ

*"Слева я почувствовал на себе мимолётный
взгляд Ники."*

A watercolor illustration of a street scene. On the left, a large green tree with dense foliage stands in the foreground. In the background, a multi-story building with several windows is visible. The sky is painted with soft, blended colors of pink, orange, and yellow, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is soft and painterly.

МАЛЬЧИК В
ПЕРСИКОВОМ
ДОМЕ

16+

Сергей Луначарский
Мальчик в персиковом доме

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Луначарский С.

Мальчик в персиковом доме / С. Луначарский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-06337-2

Книга, которая рассказывает о сложной жизни французского школьника. Пережив тяжёлые события, переехав в другой город и поступив в новый лицей, Ален должен заново начать свою жизнь. Обретая новых друзей, он пытается найти душевный покой, но проигрывает своим переживаниям и постепенно погружается во мрачные чувства. Сможет ли Ален достичь необходимого ему покоя? Об этом он расскажет сам.

ISBN 978-5-532-06337-2

© Луначарский С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
Булочка	15
7	17
8	18
9	19
10	21
11	23
12	24
Персик	25
14	27
15	29
16	31
17	32
18	33
19	34
20	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть 1

1

Светлые картонные коробки стояли перед домом с номером 8.

До своих пятнадцати лет я почти не выезжал за пределы Валанса (не считая поездок к родственникам в Упи) и, в целом, нашу семью можно было назвать стационарной. Мы никогда не путешествовали. Конечно, мы могли себе это позволить, но у нас просто не было потребности. Тем не менее, как только я закончил последний класс коллежа, мы начали паковать вещи, но переехали в Лион только под конец летних каникул. Дорога длиной в два часа обошлась моему папе в три стаканчика крепкого кофе и один кунжутный батончик. Мама почти всю дорогу молчала. Сделав из старой мягкой игрушки импровизированную подушку, я лежал на задних креслах, накрывшись какой-то старой курткой. В окне старенького, побледневшего от времени, красного универсала было видно почти безоблачное светлое и ясное небо. При каждой неровности дороги можно было почувствовать дребезжание вещей в полном багажнике.

Въезжая в город, я не чувствовал радости, грусти. Скорее всего это можно назвать приятной, тёплой пустотой. Мне не о ком было скучать. Всех своих друзей я знал ещё с четырёх лет и за это время успел пережить с ними абсолютно всё. Пока мы выросли, наши интересы постепенно расходились, и мы наскучили друг-другу. Особой привязанности к месту, где родился, я тоже не испытывал. Ничего меня не держало дома ровно также, как и ничего не тянуло куда-нибудь. Приятно было осознавать, что скоро мне достанется собственная просторная комната на последнем этаже дома. Вот и всё.

Новый дом стоял на Подъеме телеграфа и имел номер восемь. Это было не самое новое здание в четыре этажа бледновато персикового цвета. Кое-где были заметны тонкие трещинки, доходившие до самой крыши. Деревянная входная дверь вела к довольно старой и тёмной, но чистой лестничной клетке. В нашем доме было всего шесть квартир, мы заняли одну на последнем этаже, окнами выходящую на маленький садик и небольшой, но ровно выстриженный газон. Таким образом, из моих окон были видны деревья, несколько невысоких домиков с красными крышами и небо. Моя комната была почти пуста. В центре стояли три большие коробки, сверху на них лежало несколько пакетов. В интерьере комнаты также входило: две розетки у входа, жёлтая лампочка со стареньким тканевым абажуром и роскошный широкий подоконник, на котором при желании могло поместиться два человека.

До учёбы оставался всего один день. Всё это время я один разбирал коробки и пакеты, наполненные вещами. Мой папа программист. Поэтому, в день когда мы въехали, вечером он уже сидел на полу рядом с розеткой и ноутбуком на коленях. Возле него стояла пустая кружка непонятного цвета. Мамы днём дома почти не было. Перед нашим отъездом она оставила работу парикмахера в Валансе и говорила, что ей нужно найти новую. Оставшись один, я разбирал коробки и разносил вещи по разным комнатам.

Вечером мы поужинали чем-то из супермаркета. Это что-то было неравномерно разогрето в нашей старенькой микроволновке и с одной своей стороны обжигало мою руку, а с другой было совсем заморожено, но тогда меня это почти не волновало. Я надел свою идеально выглаженную пижаму и лёг на расстеленное на полу одеяло (скоро там должна была появиться кровать). Накрылся новой простыней. Недавно выстиранная, она пахла порошком, и на ней ещё оставались прямоугольные складки после нашего переезда.

Завтра мой первый день в лицее. Лёгкие и неприятные мурашки пробежали по всему телу. Дойдя до стоп, они задержались там на секунду, а затем исчезли. Окно в комнате я оставил

открытым, так что с пола можно было хорошо разглядеть большое звёздное небо. Я поскорее отвернулся и закрыл глаза.

2

Не дождавшись рассвета, я встал со своего спального места. Со вчерашнего дня я успел приготовить себе темно-синюю рубашку и начистил до матового блеска грязно-зелёные туфли из кожзама. На все сборы в лицей, включая завтрак, я потратил ровно семь минут. В моём рюкзаке аккуратно поместилась стопочка тетрадей и учебников, пенал, бутылка с водой, аккумулятор для телефона вместе с проводом, десять евро мелочью и планшет для бумаги (правда, никакой надобности в последнем не было). Перед выходом я ещё раз осмотрел себя на предмет незастёгнутой пуговицы или незавязанных шнурков. Таких не оказалось. Родители, видимо, решили сегодня остаться дома и ещё не проснулись. Выскочив на улицу, я сразу же направился к школе. На небо я не взглянул.

Лицей находился в трёх минутах ходьбы от нашего нового дома (как потом выяснилось, я жил ближе всех моих одноклассников). Моя дорога проходила через две абсолютно пустые улицы. Я не успел встретить ни одного человека и, кажется, все заведения на моём пути ещё были закрыты. Я вышел в 7:25 и соответственно оказался возле школы за полчаса до начала занятий. На стене лицея, под самой крышей, находились невероятно старые часы. Издалека их вряд ли можно было бы разглядеть (не говоря уже о том, чтобы узнать по ним время), но зато они были видны с любой точки эспланады перед лицеем. Нельзя точно назвать время их установки, но, видимо, это было очень давно. Часы эспланады шли с отставанием на четыре минуты и показывали 7:24.

Моим новым домом стал Лицей Сен-Жюста. Большое здание в четыре высоких этажа сверху скорее было похоже на детский рисунок маленького стульчика. Высота первого этажа была почти вдвое больше, чем высота любого другого. С первого взгляда всё здание можно было чётко разделить на две части: старую и новую. Старая часть была покрыта чёрным налётом, избавиться от которого можно было, только если снести и заново построить это крыло. К ней же относились центральные ворота и часы под крышей (часы дублировались с внутренней стороны школы, но уже показывали точное время). Новая часть была построена явно позже. Её стены тёплого белого цвета, казалось, постоянно находились на солнце. Спортзал примыкал к новой части так, что окна третьего этажа выходили на крышу зала. Внутренний двор одновременно был цементной площадкой со стёршейся от времени и подошв разметкой футбольного поля.

Лицей Сен-Жюста был крупнейшим лицеем Старого Лиона. И, как свойственно большим учебным заведениям, туда было невозможно попасть без высокого балла и доли везения. Я не рассчитывал, что меня примут (подавал я документы, только из географических соображений). Но мне повезло, и меня приняли в лицей в самом центре Лиона. Нельзя сказать, что я плохо учился и сумел проскочить на свободное место. Нет. Но меня не отпускал мандраж при мысли, что я могу не понравиться учителям. В первую очередь я был приезжий из небольшого городка, а только потом ученик. И кто знает, может быть, есть более перспективные жители Лиона, которым просто не хватило одного или двух баллов? Эти мысли каким-то грузом оседали внутри живота, и мне пришлось сильнее затянуть ремень, чтобы избавиться от неприятного чувства.

Казалось, что сам лицей своей массой и объёмом придавливал меня. Его бордовая крыша имела отвесный склон, но кверху он переходил в почти плоскую площадку. Такая форма характерна для многих протестантских церквей. Лицей не относился к таким постройкам. Изначально он был церковной семинарией (это можно понять по статуе, находящейся над часами внутреннего двора, и кресту, расположенному над ней). В годы первой мировой войны здесь был открыт городской госпиталь. Всё это место было наполнено внушительной историей, и я не был уверен, что оно захочет дополниться моей.

Ещё за двенадцать веков до постройки семинарии, здесь находился римский искусственный грот Бёрей. История говорит, что большой резервуар для воды питался через когда-то существовавший акведук. Потом акведук разрушился, и, как следствие, грот пересох. Лицей же вырос прямо над древним резервуаром (основатели лицея даже не догадывались о существовании грота и узнали о нем только в момент закладки фундамента). Всё это было написано на сайте лицея.

Ссылку на эту статью я кинул отцу на почту (это был один из немногих способов заставить его что-либо посмотреть; если же подойти к нему с вопросом, он обязательно допишет до точки, хлебнёт кофе из чашки и попросит повторить вопрос). Не отреагировав на статью, он начал высказывать своё мнение об оптимизации сайта. Маме почему-то я не стал это показывать.

Перед тем, как зайти в школу, я ещё минуты три стоял на тихой и пустой эспланаде. Каменные скамейки вокруг находились под кудрявыми деревьями и были пусты. Часы лицея показывали 7:37. Я провёл на эспланаде ещё несколько минут. Школьный автобус должен был вскоре подъехать. Ждать я больше не мог и пошёл ко входу.

3

Огромный, пустой коридор первого этажа с высокими потолками эхом отражал мои шаги. Через вытянутые, но не очень большие окна проходил тусклый свет и узором падал на противоположную стену. Возле светлых стен местами стояли неновые и тёмные деревянные скамейки, сбоку на них можно было увидеть царапинки, видимо оставленные ногами учеников. Белый высокий потолок с рёбрами находился на, казалось, невероятной высоте. Среди этого просторного этажа я самому себе казался таким маленьким и ничтожным, что поскорее решил пройти в самый конец коридора, где находилась лестница. Второй этаж уже более походил на учебное заведение, чем первый. Матовый кафель темно и светло-серого цвета, такие же стены – всё выглядело обычно и даже блёкло, по сравнению с фасадом здания. На этом этаже (и следующих) на каждом окне висели обыкновенные вертикальные жалюзи, они хранили коридоры от уже довольно яркого солнца. Обстановка всё больше напоминала мне мой старый коллеж, и я постепенно успокоился.

Класс, куда меня зачислили, должен был собраться в кабинете физики-химии. Мне пришлось обойти полностью два этажа, чтобы найти его (внизу, возле выхода в лицей, была табличка с планом расположения кабинетов, но я заметил её только спустя месяц учёбы).

Дверь с надписью “Физика-Химия” сначала показалась мне закрытой, но, когда я нажал на ручку, легко поддалась. Перед тем как открыться, дверь легонько затрещала, как это бывает с тяжелыми дверьми. Яркий свет из больших окон ударил в глаза и ослепил меня, затем появились силуэты парт и всего остального. На первом ряду сидела девочка. С виду ей можно было дать лет тринадцать, но я понимал, что мы, скорее всего, одного возраста. Сейчас она что-то писала в свой блокнотик, и у меня было ещё лишние две секунды, чтобы рассмотреть её. Черные волнистые локоны мягко обрамляли дужки её очков правильной формы. Тонкие пальцы казались холодно-белыми. Графитовый кардиган без пуговиц хорошо подчёркивал форму её аккуратных плеч, талии и органично смотрелся с джинсами. Она подняла голову и с каким-то умилением улыбнулась, не открывая рта. Её глаза, сверкающие сквозь тонкие стекла линз, были необычайно чистого небесно-голубого цвета.

– Привет! Ты выглядишь как-то официально для школы.

– Да, я просто... люблю строгий кэжуал, – ответил я, подходя к первой парте рядом. Я сел, забыв снять рюкзак, но не стал сразу это исправлять.

– Я Ника, а как тебя зовут? – она протянула свою белую ладошку.

– Я Алён.

Наше знакомство прервало дребезжание тяжёлой двери. В ней показался дедушка с ровной как линейка осанкой. Причёсанные белые усы дополнялись длинными зачёсанными назад волосами, которые сзади могли полностью покрыть шею. Очки-хамелеоны с толстыми линзами смотрелись старомодно. Бежевые брюки клёш повторяли цвет его пиджака.

– Ну что, как ты тут? – мягким, бархатным голосом спросил дедушка, явно обращаясь к Нике.

– Ну де-еда, всё хорошо и мне не семь, чтоб меня контролировать, – Ника говорила с притворно-детской обидой. Мне стало неловко находиться между говорящими, и я встал, заодно нашел предлог снять рюкзак.

– Хм... – издал дедушка, закрывая тяжёлую дверь. Мы остались одни и я снова сел за парту. Тишина длилась не больше минуты, однако она успела посеять неловкость. Первой её нарушила Ника.

– Сколько сейчас времени?

– Без пятнадцати восемь, – я начал выкладывать свои вещи на парту. Ника открыла блокнотик и продолжила что-то записывать, но прервалась, когда я достал свой пенал.

– Можно, пожалуйста, мне покопаться в твоём пенале?

– Да-а, держи, – мой ответ прозвучал растеряно.

– У меня такое хобби, это всегда очень интересно, – сказала Ника, опередив мой вопрос. Сначала она аккуратно выложила все ручки (у меня была пара чёрных, пара синих и одна красная, плюс столько же стержней в рюкзаке), линейку, потом быстро вынула мои бумажки, которые я забыл достать с прошлого учебного года. Мне стало немного стыдно.

– Это математика?

– Да. Вторая должна быть по информатике. Я не особо дружу с цифрами, – Николь улыбнулась, разглядывая мои шпаргалки. Она делала это довольно долго, изучая каждую букву, затем быстро повернулась ко мне.

– Ты не из Лиона, да?

– Я из Валанса, мы переехали сюда буквально неделю назад.

– Навсегда?

– Скорее всего, да, мой папа хотел поскорее уехать, а у меня просто не было выбора и...

– А как же родственники? – в это время её аккуратно бровки приняли форму домика.

– Мои дядя с тётей остались в Упи, а бабушка умерла полгода назад.

– А-а, – она приостановилась, – прости, я не хотела...

– Да, всё нормально, я уже справился с этим, – снова повисла неловкая пауза. Я где-то читал, что пауза становится неловкой после сорока секунд и хотел поскорее прервать её, но всё не находил слов. Ника быстро засунула все мои вещи обратно в пенал.

– Как ты поняла, что я не местный?

– Я не знаю, есть что-то выделяющееся, правда не знаю. – голос Ники звучал тихо и она не смотрела на меня – Я думаю, ты и сам позже это заметишь.

– Посмотрим, – спокойно ответил я. Портреты великих химиков и физиков на стенах класса пристально следили за мной. На учительском столе зачем-то стоял горшок с круглым кактусом.

– Ой, мы уже совсем опаздываем! Пошли! – с прежними искорками в глазах воскликнула Ника и, бросив блокнотик в кожаный рюкзачок, выбежала из класса.

– Подожди, куда?

– Сегодня должна быть речь на открытие учебного года, – я вспомнил подобные мероприятия в своём коллеже. Обычно они длились очень долго и нудно, но, как и в случае с переездом в Лион, у меня, видимо, не было выбора.

– Хорошо, я сейчас. Только подожди меня, пожалуйста, я не знаю куда идти, – крикнул я, скидывая в рюкзак пенал и учебники разом.

– Я буду в коридоре.

Я надел рюкзак и слегка подтянул лямки. Выходя из класса, я в последний раз бросил взгляд на стены и заметил на одной из них часы. Стрелки двигались плавно и почти бесшумно. Было семь часов пятьдесят семь минут.

4

Мы быстро спустились по лестнице на первый этаж и пошли по направлению к актовому залу. Оказывается, одна из его стен была смежная со стеной музея нашего лицея. (“Музей Лицея Сен-Жюста” был двухэтажным зданием, на втором располагался сам музей, а на первом был пропускной пункт. Соответственно каждое утро, чтобы попасть в школу мы должны были зайти в музей, пройти по крытому железному переходу до основного здания и только потом войти в лицей). Всё ещё пустые коридоры первого этажа проводили нас эхом наших шагов до самых дверей зала.

Зал был полон народу. Однако на всех хватило мест и даже осталось довольно много. Мы заняли два свободных, которые находились ближе всего к сцене. Ника села справа от меня, слева сидел невероятно худой и высокий парень. Сначала, я смог разглядеть только его длинные черные туфли с круглыми носами и небольшими дырочками сверху.

Началось выступление одного из учителей (позже я выяснил, что это был месье Боне, учитель истории-географии, очень приятный и достаточно молодой мужчина. Его уроки всегда были наполнены энергией, и он мог ответить на любой мой вопрос, но не переносил шепота на своих уроках и принимал это за неуважение к себе). Монолог длился достаточно долго и я начал разглядывать огромное помещение.

Молочные стены часто прерывались окнами, доходившими почти до самого потолка со шторами в цвет кафеля, который я видел ранее в коридоре. Через окна можно было увидеть абсолютно пустой внутренний двор лицея и пустую эспланаду с каменными скамейками. Вокруг нас сидело много людей. Некоторые из них должны были стать моими новыми одноклассниками (одна шестая, если быть точнее). Возле сцены сидели люди с седыми головами (у некоторых так же были лысые затылки). Скорее всего, это были наши учителя. Чёрная сцена была хорошо освещена, но всё равно складывалось ощущение тусклости и мрачности. На ней стояло несколько человек. Некоторые из них однозначно были выпускниками прошлых лет. Другие учителями. Немного в стороне от них стоял мужчина с толстыми очками и в бежевом костюме. Зачёсанные назад белые волосы никак не могли сравниться с белизной его усов.

– Ник, там, на сцене стоит твой дедушка?

– Чщц... – немного сердито издала Ника, приставив указательный палец к губам.

Я и без подтверждения Ники был уверен, что на сцене стоит её дедушка. Брюки клёш сильно выделялись из всего окружения. Его прямая осанка осталась неизменной, хотя он, очевидно, стоял на сцене достаточно долго. В это время длинный монолог учителя на сцене закончился.

– Сейчас я должен передать слово директору нашего лицея месье Жан-Камиль Бардо. – дедушка Николь спокойной поступью направился к микрофону. Его тихие шаги доходили до нас еле слышным стуканьем.

– Твой дедушка-директор?!

– Да, – тихо прошептала она в ответ. Меня ударило локтём слева. Высокий парень видимо, подслушал наш диалог и теперь смотрел на нас с округлившимися глазами.

– Это её дед?! – переспросил он.

– Да.

– То есть...

– Тихо, – шепнула Ника.

Месье Бардо не стал говорить длинных речей. Его слова были наверняка неизменны на протяжении долгого времени, и говорил он без особого энтузиазма. В зале стояла тишина, и мы тоже притихли. Был слышен только голос директора, который звучал мягко и выдержано. Когда он закончил, в зале раздались умеренные аплодисменты. Мы присоединились к аплоди-

рующим. Затем начались слова других учителей, но большая часть зала, хотя и продолжала слушать, делала это скорее машинально, чем осознанно.

В это время в моей голове беспорядочным роем путались вопросы. Дедушка Николь – это директор самого крупного лицея в Старом Лионе? Зачем на кожаной обуви делают отверстия сверху? Меня приняли в крупнейший лицей Старого Лиона? Ника – это моя одноклассница и её дедушка – мой директор? Что Ника записывает в свой блокнот? Почему дедушка Ники так выглядит? На некоторые эти вопросы я мог легко ответить, но они брали числом, постепенно одерживая победу над разумом. Моя голова начала немного побаливать, и я почувствовал импульсное напряжение в висках. Расправляясь с лёгкими вопросами поодиночке (и образно выкидывая их из своей головы), я брал в плен вопросы с ещё не известными мне ответами и сажал их в “Бастилию ожидания”. Таким образом, мне удалось подавить восстание и снова восстановить порядок в моём сознании. Мою голову отпустило.

Когда речи окончились, нам сказали разойтись по своим классам. Мы стояли почти в самом конце очереди на выход и поэтому пришли, когда почти все места были заняты. Уже знакомый нам парень сидел на первом ряду. Я решил сесть рядом с ним, Ника, не найдя свободного места возле меня, села сзади.

– Ты же не против, если я здесь сяду?

– Конечно, нет! Меня зовут Эрик, – он протянул мне правую руку.

– Я Алэн.

– А я Ника! – прозвучало за моей спиной. Ника сидела на парте позади нас, оперевшись на неё ладошками и болтала ногами.

– Пока ты не вошёл, я уже испугался, что буду один с этим.

– В каком смысле?

– Обернись.

Наш класс был полон людей, но почти все они были девочками. В дальнем конце класса сидели близнецы, но им наверное хватало своей компании. Бирка моей рубашки начала колотиться.

– Жуткое зрелище, – шепнул Эрик.

Мы говорили ещё минут пять до прихода учителя. Эрик обладал неплохим чувством юмора и стал хорошим собеседником. Оказалось, что его мама окончила этот же лицей, и её директором тоже был месье Бардо.

– А сколько лет твоему деду? – спросил Эрик. Ника передёрнула плечами и продолжила болтать ногами.

В кабинет зашла наша классная. Она была одной из самых молодых учителей в школе. На её лице светилась добрая улыбка.

– Всем привет! – радостно произнесла она. Мы встали и поздоровались.

– Для начала давайте познакомимся! Меня зовут Жюлиет. Я ваш новый классный руководитель. Я увлекаюсь литературой и кино.

Наша классная была учителем математики, что никак не вязалось с её интересами. Но было видно, что она любила свою работу. Свои уроки она вела легко. Когда-то после института она работала в начальной школе, сейчас это можно было проследить в её разговоре с учениками. Также она была невысокая (Эрик был почти на полметра выше её, Ника же была вровень). Из-за этого некоторые не воспринимали мадам Ру всерьёз, что могло её сильно расстроить или даже вызвать слёзы. Но мы сразу же полюбили её и позже сильно привязались.

5

Классный час, математика и французский прошли незаметно. На всех уроках Ника была очень активна. Эрик не был явным лентяем, но учился он неохотно. Я просто старался не совершать ошибок. Во время дневной перемены в лицее можно было находиться только учителям, так было во всех школах Франции. Мы заняли одну скамейку на эспланаде. Солнце находилось высоко, облаков не было, но погода стояла тёплая и нежаркая. Каменная скамейка, находившаяся всё утро в тени, сейчас была прохладной. Эрик искал что-то в телефоне. Я разглядывал асфальт под ногами.

– Э-эрик, Эри-ик, Э-эрики, Рик. – Ника коверкала имя и ей всё не нравилось.

– Можешь объяснить, что ты делаешь с моим именем?

– Мне не нравится, как оно звучит, и я пытаюсь подобрать что-нибудь получше.

– Может тогда надо подобрать новое имя?

– М-м, можно и так, – Ника прищурилась и смотрела на профиль Эрика. Это продолжалось достаточно долгое время.

– Моррис! Как тебе Моррис? – воскликнула Николь. Эрик, не отрывая глаз от телефона, поморщился и слегка замотал головой.

– Может Стром? – предложил я.

– Чё?

– Стром, ну как Стромае.

Некоторые черты внешности Эрика делали его сильно похожим на Стромае. Тонкие пальцы рук, высокий рост, короткие тёмные кудрявые волосы, маленькие, сильно выделяющиеся, ушные раковины – всё это роднило Эрика с известным бельгийцем.

– Точно, Стро-оми-и, Стро-оми-и. – Ника заулыбалась.

– В принципе, как хотите. Мне всё равно, но Стром звучит лучше.

– Ну, значит Строми.

Я запрокинул голову назад. Деревья тихо шуршали зеленоватыми листиками. По дороге мягко проехал звук колёс. Было слышно, как близнецы, занявшие ближнюю скамейку, ведут партию в шашки и как легонько фишки бьются о деревянную доску. Всё погрузилось в состояние спокойной монотонности. Я вернул голову обратно. Сбоку послышался голос Эрика.

– Ален, пойдём до пекарни? Я дико хочу есть.

– Давай, Ник, ты идёшь? – она что-то писала в блокнотик.

– А, нет. Идите. Мне ещё надо домой зайти.

Мы шли по теневой стороне улицы. Утром я шёл по противоположной. Дороги были свободны от машин, и поэтому можно было хорошо разглядеть форму теней от крыш высоких домов. Вообще, на территории Старого Лиона исторически никогда не было высоких домов (за исключением самого лицея и ещё нескольких храмов). Сначала, при римлянах здесь была маленькая деревушка; затем долгие годы это был центр города с высокой на то время семинарией. Сейчас, в связи с увеличением населения цены на землю в центре больших городов сильно выросли и постройка большого дома просто стала невыгодной.

– Вы встречаетесь?

– Что, нет... я узнал её сегодня утром.

– М, ладно.

– Подожди, я-я...

– Забудь.

– Нет, ты...

– Да так.

Эрик смотрел куда-то в пол. Мне стало неудобно. Новый, но уже какой-то более яростный рой занял мою голову. Он начал высверливать разум, копать и искать ответы или причины в абсолютно пустом месте. Обдумывая неожиданный вопрос Эрика, я просто шёл на звук его шагов. Мы прошли мимо тёмной церкви. Её голубые двери выделялись на фоне серых стен. Большое овальное окно из, как казалось, чёрного стекла над входом вело внутрь здания. Под крупным каменным крестом на крыше находились часы. На часах было семь минут после полудня. Постепенно я успокоил себя, да и, учитывая поведение Ники, вопрос Эрика показался мне вполне уместным.

Булочка

Уже чувствовался запах свежей выпечки. Было несложно определить его источник, он шёл из пекарни, которая, очевидно, находилась за ближайшим поворотом. Запах был настолько манящим, что мой внутренний кит исполнил свой лучший аккорд. На это Строми слегка усмехнулся. Я расстегнул верхнюю пуговицу моей рубашки и закатал рукава.

Булочная находилась на углу дома (я уже мог видеть её сегодня утром по пути в лицей, но почему-то не заметил) и оказалась очень уютным местом. По периметру стояли диваны с ярко-оранжевыми подушками. Мы бросили рюкзаки на один из них и подошли к кассовой стойке из светлого дерева. Через стеклянную витрину были видны большие сэндвичи в целлофане и разные булочки. Их было довольно много, и я слегка растерялся. Девушка возле кассы тихо ждала наш заказ.

– Ты первый, – говоря это, Строми отошел и шарил взглядом по витрине.

– Тогда подскажи мне.

– Ну, возьми это, – он ткнул в первую попавшуюся золотистую булочку внушительных размеров. Я взял то, что он посоветовал. Строми купил себе сэндвич. Ничего больше мы брать не стали (я помнил про свою бутылку воды в рюкзаке, а кофе просто не хотелось). Девушка возле кассы подала мне мою тарелку, почти полностью занятую большой, но лёгкой булочкой. Она была чрезвычайно неправильной формы, а по размеру больше, чем моя рука. Позади моего дивана было уличное окно в пол, из-за чего на свету я мог видеть пар, исходящий от булочки. Я сделал первый укус.

– Это невероятно! – произнёс я и пальцем убрал крошку с уголка рта. Строми промычал в ответ что-то подтверждающее мои слова. Воздушная выпечка слегка обжигала мой язык. Сверху она была посыпана обычным сахаром, но её вкус не смогли бы повторить даже в самом лучшем ресторане Франции. Я ел, не запивая. Еда приятно таяла во рту. Постепенно она испарилась. Доев, я мог назвать себя полностью удовлетворённым человеком. Сидя напротив Строма, я ощущал nirvanу. Приятный обед наложился ещё одним хорошим воспоминанием на тот день. Я посмотрел время в телефоне. Было двенадцать часов и двадцать восемь минут. До начала учёбы оставалось примерно полчаса. Мы забрали рюкзаки и пошли к лицу.

Вторая половина дня прошла так же легко и незаметно, как и первая. Все уроки начинались со знакомства с новыми учителями, а кончались звонком. День тёк быстро и без особого напряжения. Наверное, во всех школах мира иногда бывают такие дни. Потом они должны смениться полосой одинаковых будней. Но в течение первого дня вся школа будто продолжает отдыхать после долгих каникул.

В семнадцать часов и пятьдесят пять минут прозвенел последний звонок. Все мои одноклассники и другие ученики “Лицея Сен-Жюста” высыпали на эспланаду. Большинство ждало школьных автобусов. Из нашей компании добираться до дома на автобусе нужно было только Строму. Его дом находился где-то за рекой, но при особом желании он мог дойти пешком. Родители Ники жили на другом конце города, и поэтому она жила у дедушки и бабушки, чья квартира находилась недалеко от школы.

– И всё же высоким быть лучше, чем маленьким, – с притворным расстройством произнесла Ника. Строми закатил глаза.

– А как ты думаешь? – она повернулась в мою сторону и ждала ответа. Я снова растерялся и не нашёл, что ответить. В любой другой ситуации я бы сказал, что девушку всегда не устраивает свой рост и это нормально. Низенькие хотят быть высокими, высокие маленькими. Но сейчас я почему-то промолчал. Я почувствовал, что мои носки превратились в гармошку и их надо было срочно подтянуть. Николь отвела глаза. Из дверей лицея вышел её дедушка в бежевом костюме. В руке он держал кожаный портфель с блестящими застёжками.

– Ой, мне надо идти. Пока, мальчики! – Ника поскорее побежала к своему дедушке. Месье Бардо шёл теми же спокойными, медлительными шагами. Очки на его лице почернели от солнца и теперь защищали его глаза от ярких лучей.

В это время подошёл автобус лица. Я пожал худую руку Строма, и он быстро зашел внутрь. Двери закрылись, я остался один. Идя домой, я зачем-то вспоминал всё случившееся за сегодня. Я вспомнил пустую эспланаду, белые усы директора, улыбку мадам Ру, знакомства с учителями, небесно-голубые глаза Николь, черные туфли Строма с круглыми носами и маленькими дырочками сверху. Но почему-то сильнее всего мне запомнилась булочка из пекарни. Её румяный золотистый цвет, блестящие кристаллики сахара, вкусное слоённое тесто и пар, поднимающийся над ней. Проходя мимо пекарни (по другой стороне улицы), я снова взглянул на неё. Булочная, видимо, была уже давно закрыта. Внутри не горел свет, надпись “Булочная Сен-Жюста” уже плохо различалась в длинной наступающей тени.

7

Стоя возле дома, я долго искал ключи в карманах своих брюк. Потом, вспомнив, что утром положил их к себе в боковой отдел рюкзака, быстро достал связку и открыл дверь, ведущую на лестничную клетку. Когда я вошел, мама с папой сидели на кухне (вернее на месте, где она должна была вскоре появиться). Папа отложил компьютер на подоконник (на самом компьютере лежал толстый ежедневник). Они явно о чём-то говорили, пока меня не было, но сейчас остановились и молчали, глядя друг на друга. До моего дня рождения оставалось чуть меньше двух месяцев. Мои родители часто начинали готовить мне подарок ещё за полгода до праздника (им было выгодно покупать подарки на весенней распродаже, а потом полгода прятать его от меня). Я вспомнил, как я случайно находил их подарки до дня рождения, а потом нехотя прятал их обратно. Поэтому странное молчание не удивило меня.

Пужинав, я пошел в свою комнату. Приятные эмоции наполняли мою голову свежими мыслями. Я поставил рюкзак на пол возле розеток при входе. Моя почти пустая комната была наполнена светом. В окне открывался вид на жёлтый закат. Перистые облака растянулись по небу в каком-то своём определённом порядке и походили на чёрные ленточки. Солнце своим светом слепило меня, так что было больно смотреть и мне пришлось отвернуться. На противоположной стене комнаты была моя тень. Она точно повторяла все мои движения. Звезда быстро садилась, и тень стала удлиняться. Теперь её тонкие пальцы больше походили на конечности очень худого и длинного пришельца. Потом всё начало тускнеть, а скоро и вовсе покрылось мраком.

Я сильно хотел спать, и зубная щётка уже не слушалась моей руки. На то, чтобы умыться лицо, моих сил не хватило. С трудом, стараясь не закрывать глаза, я медленно натянул свою чистую пижаму из хлопка. Я слышал, как папа работал в пустом зале. По его глазам можно понять, что его мучает усталость. Обычно он становился таким перед днём дедлайна, а значит, скоро он закончит свой очередной заказ и устроит себе двухдневный отдых. Во время этого отдыха он становился более разговорчивым и много спал. Я пожелал отцу спокойной ночи. Он ответил мне тем же, не отрывая глаз от экрана. Маму я не нашел. Скорее всего, она уже спала в родительской комнате.

Моё спальное место манило меня своей прохладой, и я не стал долго сопротивляться своему желанию. За стеной были слышны звуки улицы. Ветер дул несильно, но его уже можно было услышать. Я плотно закрыл окно. Звёзды яркими песчинками играли на небе. Сквозь закрытое окно послышался звук разбитой бутылки. Я перевернулся на живот и впервые подумал о том, чтобы купить занавески.

8

Мой новый день начался со звонка будильника. Я быстро встал с одеяла и подбежал к телефону. 7:28 белым светом ударило меня в глаза, и я сразу отключил будильник. Вся квартира гудела своей тишиной. В окно заглядывал густой туман. Казалось, что теперь лицей находился на белом облаке, и добраться туда можно было только по воздуху.

Я не решился впустить туман к себе в комнату и сразу пошёл на кухню. Кухня (а вернее место, где она должна быть) оказалась совсем пуста. Возле стоящего на полу чайника была банка начатого растворимого кофе, рядом упаковка зелёного чая в пакетиках. В углу дверцей к стене стояла микроволновка. На подоконнике лежали персики, которые вчера мама купила в ближайшем магазине. Пластиковый пакет, в котором они находились, был очень тонким и снизу уже успел порваться. Один персик показался мне наиболее спелым, и, быстро помыв его, я откусил кусочек. Сок персика моментально наполнил мой рот. Мякоть была сладкая и легко продавливалась пальцами.

Через кухонное окно виднелось пушистое белое поле. Иногда оно прерывалось черепицей красных крыш. Так как мой дом стоял на возвышенности, его окна не были покрыты туманом, да и сам туман лежал низко на земле. Вид из окна мне показался завораживающим, но в то же время таинственным. От моего персика осталась только твёрдая косточка. Ещё из биологии в коллеже я помнил, что косточки персиков и яблок содержат цианид. Для человека смертельной дозой цианида являются двести миллиграммов вещества, что можно получить из сорока персиковых косточек или двух сотен косточек яблока. Один персик поместился в моём рюкзаке. Я положил его в термокружку с широким горлышком (контейнера у меня не было), чтобы он не успел помяться и замарать мой рюкзак.

Перед выходом из дома я так и не встретил родителей. Их комната была заперта, а в ванной не горел свет. Скорее всего, они спали. Я не стал стучаться к ним и открыл дверь квартиры, ведущую в коридор с лестницей.

Выйдя на улицу, я моментально погрузился в новую для себя среду. Тёплый туман обнимал меня со всех сторон. Вся открытая кожа покрылась мельчайшими капельками влаги. Воздух был свежий, но настолько плотный, что казалось, если вдруг упадёшь, ты не полетишь навстречу жесткому асфальту, а медленно спустишься и возле самой земли зависнешь в воздухе. Моя толстовка моментально стала тяжелее.

Уже привычная мне, дорога приобрела новый облик. Дальше десяти метров ничего не было видно. Всё вокруг стало каким-то божественным и белым. Только очертания знакомой церкви были видны довольно чётко, но циферблат её часов я разглядеть не смог. Школьный автобус ещё не приехал. Я не стал его дожидаться и сразу направился в класс экономики.

9

Класс экономики находился на последнем этаже нового корпуса в самом конце коридора. Сегодня я надел кеды, и поэтому шел почти беззвучно. Серый кафель на четвёртом этаже казался значительно новее кафеля на втором. Вдоль стен коридора стояли разные светло и тёмно-зелёные фикусы (все они были разного вида и разного размера).

Я легко открыл дверь нового класса. В классе на первой парте уже сидела Ника. Я почувствовал дежавю. Её черные волосы сегодня были уложены в две аккуратные французские косички, закреплённые резинками, повторяющими цвет волос. На ней была тонкая белая блузка. На чёрной юбочке невозможно было найти ни одной пылинки. Когда я зашёл в класс, она быстро оторвалась от чтения и с улыбкой посмотрела на меня.

– Привет, – я тихо поставил рюкзак на парту слева от неё. Ника улыбнулась ещё шире, встала и, сняв свои правильные очки, быстро подошла ко мне. Она дотронулась правой щекой до моей, затем левой и снова правой. Я забылся на некоторое время. Раньше, мне приходилось делать бис только со своими родственниками или с очень близкими друзьями и то только на своём дне рождения. Мне вспомнилась щетинистая щека дяди, потная щека моего лучшего друга. Ла бис всегда был для меня чем-то отвратительным, неизбежным и уже изжившим себя методом оказания уважения. Но здесь было совсем другое. Маленькая щечка Ники была гладкая и нежная, а звук который издавали её губы при нашем прикосновении, едва ли походил на чавкающий звук губ моего полного дяди. Теперь её глаза смотрели в мои, а свои ручки она прятали за спиной. В одной она держала книгу, пальцем зажав страницу, на которой остановилась. Мне показалась, что сегодня она стала немного выше, чем была вчера.

– Привет. – Ника быстро присела обратно за свою парту. В книгу она аккуратно вложила закладку, до этого момента лежавшую на парте. Её личико было такое же холодно-белое и спокойное, как и всегда, но её глаза стали другими, не такими, как были вчера.

Не найдя, что ответить я отвернулся к своему рюкзаку. Учебник экономики оказался тяжелее остальных и настолько глянцевым, что, когда я доставал его из рюкзака, он два раза выскользнул из моей левой руки. Тиканье настенных часов за моей спиной невероятно напрягало меня и заставляло отсчитывать сорок секунд. Неожиданно, из моего рюкзака выпала термомокружка, но, не открывшись, осталась лежать на полу.

– Я подниму. – Ника подняла и отдала кружку мне в руки.

– Спасибо. – Моё спасибо прозвучало очень тихо, и я повторил его для надёжности, но теперь ещё тише.

– Почему ты сегодня в толстовке и футболке?

– На улице туман, и я подумал, что будет прохладно. А что?

– Ты говорил, что ты любишь строгий кэжуал, – говоря последнее слово, она запнулась. Я сделал вид, что задумался и ничем не ответил. Время будто остановилось, и на часах замерло без семи минут восемь. Я чего-то ждал, и ожидание было мукой. Глаза Ники больше не были странными, а стали абсолютно правильной формы. Она крутила в руке ластик. Ластик был самый обычный с двумя разными концами. Выражение её лица, по которому легко читались все эмоции, на этот раз не говорило ничего определённого.

Дверь в класс отворилась сильным пинком.

– Хей, кто посмел сесть на место самого Строма, Великого наследника трона Австралии? – голос Строма звучал максимально наигранно и тупо. На его голове была корона, неаккуратно вырезанная из тетрадного листа.

– Я сейчас уйду.

– Нет, если хочешь, оставайся.

– Я сейчас уйду. – Ника пересела на место за моей спиной. За Строми стали входить остальные.

– В Австралии же нет Королей, – я пожал руку Строми.

– Австралианцы сказали обратное, – Строми был очень весел, как и все, кто шли за ним. Видимо, в автобусе Строми устроил какой-то перформанс, и теперь весь наш класс превратился в австралийцев (или вернее в австролианцев), а он стал самовыдвинутым королём. Всё происходящее казалось невероятно детским, но я не стал противиться.

– Тогда прошу вашей благосклонности, мой король, не соизволите ли вы занять свой трон и приступить к правлению.

– Да будет так, – Строми с шумом поставил свой рюкзак на парту, выделив точку в своём предложении. Николь улыбнулась. Ей, наверное, было забавно наблюдать за нами. Все вокруг рассаживались на свои места и готовились к уроку экономики. До урока осталось меньше минуты, и я уже был готов опять впасть в однообразный поток жизни лица. Но в тот день мне не удалось этого сделать.

10

Дверь снова открылась, и в класс быстрыми шагами забежала девочка в темно-зелёном худи. Её необыкновенно длинные, кудрявые рыжие волосы хаотично спускались с плеч и кончиками доходили до самых локтей. Вблизи они скорее походили на гору медных пружинок, но под другим углом меняли свой окрас и становились золотистыми. Она оглядела класс полу-прикрытыми карими глазами, выискивая свободное место. Справа от меня была пустая парты (это была единственная свободная парты в нашем классе), куда она и поставила свой мешковатый рюкзак, на вид будто сшитый из парусины. Всё это время она не вынимала кистей рук из карманов своего свободного одеяния. В её внешности и движениях всё было каким-то теплым и удивительно манящим. То, как она достала экономику и тетради, как она поправляла длинные волосы, неаккуратно упавшие на стул, как она скрестила ноги, обтянутые охровыми брюками со слегка закатанными штанинами.

В класс втиснулся лысоватый и тучный месье Легро. Это был человек, чрезмерно вовлечённый в свой предмет, он говорил очень много, но часто отходил от темы, путался, забывался и любил рассказывать истории из его жизни (он называл это лирическими отступлениями). Когда он начинал рассказывать очередную историю, его глаза поднимались и с улыбкой смотрели в пустоту, а маленькая серая борода начинала двигаться и постепенно увеличивала свою амплитуду. Как итог, его уроки отражались в моей тетради несвязным конспектом из отдельно выдернутых фактов и цитат, сказанных французскими экономистами, которые на данный момент уже умерли.

– Добрый, добрый день, друзья! – Месье Легро говорил как бы вразвалочку, неспешно и праздно.

– Все мы с вами – друзья. Дружба – это самое главное, что есть в нашей жизни, а также в мировой экономике. В экономике все друзья. И ваши соседи, и знакомцы, и иностранцы, и родственники, и знакомые, и друзья – все... – здесь месье Легро запнулся языком о смысл своих слов и остановился. По классу прокатился добрый и тихий смешок.

– Да, как сказал великий экономист Франсуа Кенэ “Те, кто исключает из торговли иностранцев, будут в отместку исключены из торговли других наций”, – все свои цитаты месье Легро знал дословно и повторял их один в один, как и было написано в учебнике. Сейчас, на первом уроке, это не вызвало у меня удивления, но к концу года я понял, что месье Легро наизусть знает учебники всех классов, в которых он вёл уроки. Я дописал до точки и поднял глаза.

– Ай-й, – неожиданно и очень приглушенно донеслось справа. Я обернулся. Рыжая девочка, округлив карие глаза, смотрела на совсем новенькую тетрадь. По тетради растекалась лужа чернил, потёкшего линера. Её руки тоже были измазаны. Она быстро подтянула свою левую ногу и поставила пяткой на стул, вытерла руки о верхнюю часть своего светлого носочка, а потом просто перевернула лист тетради, таким образом заклеивая уже полностью чёрную страницу. Любая другая девочка завела бы себе новую тетрадь, да и была бы в этой ситуации менее решительна. В моих глазах эта деталь характера Рыженькой сильно выделяла её из группы остальных девочек нашего класса.

– Слушай, пожалуйста, дай мне свою ручку. Моя... – Она не стала заканчивать предложение.

– Да, я сейчас, – я очень быстро достал ручку из пенала и протянул её в руку рыжей.

– Спасибо. ...гм, она красная? – сжимающий, холодящий импульс пробежал по моему телу, начиная от головы через позвоночник до самого мизинца левой ноги. Я выхватил ручку из её рук, достал синюю и положил (чуть ли не бросил) её на парту Рыжей. В течение этого урока я старался больше не смотреть в её сторону, однако успел хорошо разглядеть руки Рыженькой,

всё ещё испачканные чернилами, форму медных пружинок, идущих золотым водопадом до её локтей, и теплые, улыбающиеся карие глаза, которые сейчас постоянно пытались поймать взглядом мои, но мне очень ловко удавалось этого избежать.

11

Звонок с первого урока прозвенел неожиданно. Все ученики повставали с мест и начали собирать сумки. Полный месье Легро сел на стул и, видимо, переводил дух после своего урока от своих же тяжёлых высказываний. Я тоже собирал вещи и смотрел преимущественно в сумку. Рыженькая встала от меня сбоку и, видимо, хотела что-то сказать.

– Спасибо за ручку.

– А, да, не за что. – Говоря это, я продолжал собирать вещи.

– Только, можно я тебе её верну в конце дня?

– Да, конечно, – я смотрел в уже собранный рюкзак и как-то долго думал, что надо делать дальше. Рыженькая стояла рядом полусидя на своей парте и смотрела на меня.

– Как тебя зовут?

– Я Аллен Ферри.

Губы рыженькой дёрнулись в быстрой улыбке, но потом приняли свою обычную форму.

– Аллен? – сказала она, отталкиваясь от своей опоры. Её брови стали чуть выше их обычной высоты.

– Аллен – хорошее имя. Меня зовут Лили Буше! Приятно познакомиться! – она сильно вытянула свою руку ко мне. Здесь мне пришлось помедлить с ответом. Почему-то я не мог понять, что мне надо сделать с её рукой? Крепко пожать? Но ведь так не принято поступать с девочками. Просто дотронуться и отпустить? Это вообще будет как-то странно с моей стороны. Я достаточно долго не мог ничего сделать и, если бы меня не спасли, думаю, не мог бы ещё дольше.

– А я Ника! Очень приятно! – Ника выпрыгнула из-за моей спины и энергично потрясла руку Лили. Мне стало немного неловко. Люди начали выходить из класса, и нам тоже следовало идти к выходу.

– Ты, получается, новенькая?

– Да. Я просто не могла прийти в первый день. – Ника хотела задать вполне логичный вопрос, но громкий голос Строми остановил её.

– Ну чё? Идём? – В руках он держал свою мятую (местами даже рванную) бумажную корону и пытался как можно аккуратней надеть её на голову. Месье Легро уже успел отдохнуть и снова оживился.

– Так вы теперь у нас стали королём? И зачем же всё это? – Также размеренно произнес он.

– Да так. Я просто...

– Вы просто игрались (месье Легро голосом выделил последнее слово). Да. А ведь я помню, как ещё мы игрались. Да. Хех. У нас-то ещё телефонов не было! Всё было, а телефонов не было. Да и ничего не было. Хех, – говорил месье Легро очень вальяжно, и его взгляд смотрел в пустоту. Мы переглянулись со Строми. Понимая, что попал в ловушку, он выражал взглядом отчаяние и просил о помощи. В своём взгляде я попытался передать, что не могу ему помочь и сильно об этом сожалею, но потом понял, что выгляжу очень странно и моментально остановился.

– Да стойте вы! Вот... – Это было последнее, что я услышал из слов месье Легро, когда выходил из класса вслед за девочками. Строми пришлось остаться в классе на время монолога нашего полного учителя экономики.

12

В коридоре было довольно много людей. Все они шли куда-то и, казалось, двигались абсолютно хаотично, без какой-либо цели (но, разумеется, это было не так). Из-за этого всё пространство наполнилось приглушённым гулом.

– Ты сказала, что не могла прийти в первый день, – Ника продолжила любопытный ей диалог.

– Да. Мы только вчера приехали сюда.

– Ты из Валанса? – Ника смотрела в упор на Лили. Я запнулся об чью-то ногу.

– Что? Нет. До этого я жила в Нероне. Почему ты спросила про Валанс?

– Ну, просто, Ален тоже из Валанса. . . .то есть не местный. Он приехал сюда неделю назад.

– А, да? – Лили посмотрела на меня, ища подтверждения. Я два раза, молча, кивнул.

– Классенько, – получив, что хотела, Лили отвернулась.

– А где ты сейчас живёшь?

– Пока что мы снимаем квартиру на Жабуле. Потом не знаю. Может быть, купим ближе или... не знаю.

Нашим следующим уроком по расписанию была история-география. Кабинет нашего учителя находился на первом этаже, и мы уже спускались по лестнице. Со спины я услышал громкие бегущие шаги.

– Вообще-то, могли и подождать! – У Строми была небольшая одышка.

– Если бы мы там остались, месье Легро никогда бы не остановился.

– А он и не остановился! Я выбежал, когда он засмотрелся в потолок, – улыбка Строми выражала победу и была настолько нелепа, что я тоже улыбнулся.

– У тебя интересное имя, – Лили рассматривала Строми.

– Это я ему такое дала, – Николь держалась за кожаные лямки своего аккуратенького рюкзака.

– Его зовут Эрик. Просто мне не совсем понравилось это имя, и я подобрала новое. Тебе не нравится?

– Нет, что ты?! Хорошее имя. Мне нравится.

Лили держала измазанные чернилами руки в карманах.

Мы быстро дошли до кабинета истории-географии. Как только все сели на свои места, звонок сообщил о начале урока. За учительским столом уже сидел месье Боне, молодой и энергичный учитель. Он не пугался неожиданных вопросов, не относящихся к теме урока, и всегда отвечал на них. За это я очень быстро полюбил его. Будь то вопрос о культуре древнего Египта или о возможности существования Атлантиды, он всегда мог дать ответ или же (если сам его не знал) говорил название книги, где его можно найти. Меня всегда интересовала история и, соответственно, найдя человека, который знал её и мог ответить на мои вопросы, я сильно этому обрадовался. Позже, после его уроков, я часто оставался в классе и задавал ему ещё два или три дополнительных вопроса, и потом все мы (Ника, Лили, Строми и я) долго слушали красивый, развёрнутый ответ месье Боне. Хотя и весь свой материал месье Боне знал из книжек (за всю свою жизнь он ни разу не выезжал из Лиона), его рассказы никогда не были сухими и скучными. Пожалуй, единственным недостатком месье Боне было его отношение к перешёптываниям на уроках. Когда он замечал нарушителей тишины, он останавливался, замолкал и начинал сверлить взглядом дыру в одном из нарушителей, а если сверление взглядом не помогало, он произносил одну из своих давно заготовленных фраз на данные случаи. Это сверление в среднем продолжалось не больше минуты, затем он успокаивался и продолжал урок.

Персик

Прошло ещё два урока, и все вышли на улицу. За четыре с лишним часа утренний туман успел рассеяться, и сейчас высоко над головой стояло небо, частично покрытое жидкими облаками. Как и в прошлый раз, мы заняли каменную скамейку. Лили же решила сесть под деревом, оперевшись на него спиной и закрыв глаза. Когда лучики солнца попадали ей на волосы, её медные пружинки начинали переливаться золотыми красками. Строми так же сидел в телефоне, как это было вчера. Сбоку он мог показаться безжизненным манекеном, но, чтобы его оживить, достаточно было интересной идеи. Ника опять сидела с блокнотиком в руках и, выбрав самую красивую ручку, что-то записывала в него.

У меня потемнело в глазах. На мгновение мне показалось, что рядом никого нет, всё пусто и уныло. Один я нахожусь в центре этой пустоты, и мне чего-то не хватает. Я обернулся в этой пустоте, посмотрел вверх. Но нигде ничего не было. Попытался прикрыть лицо руками, но моих рук, как и лица, не было. Абсолютно пустое безжизненное пространство окутывало меня со всех сторон. Мгновенно мне стало неудобно и страшно.

Я очнулся. Моя кожа была покрыта мурашками. Всё было на своих местах. Лили с закрытыми глазами сидела под деревом, Ника была возле меня на каменной лавочке с блокнотиком в руках, Строми замер смотря в телефон. Увидев привычную картину, я успокоился и окончательно пришёл в себя. Я взглянул на настенные часы лица. Они показывали двенадцать часов и одну минуту. Это не дало мне абсолютно никакой информации.

Постепенно стало очень светло. Из-за чистого, неприкрытого неба, температура начинала быстро расти, и уже ничего не осталось от влажности утреннего тумана. От асфальта поднимались волнообразные потоки жара (их можно было заметить по искажению изображения за ними). Солнце находилось в зените и нещадно грело землю. Казалось, даже птицы внезапно вымерли от такой погоды. Я почувствовал, как воздух начал обжигать мои ноздри.

Сильно захотелось пить. Я вспомнил про школьный питьевой фонтанчик. Но он находился внутри здания, а на часах было только восемь минут после полудня, это значит, до того как, откроют центральные ворота, ещё осталось больше пятидесяти минут. Мне в голову пришло освежающее воспоминание.

Я открыл рюкзак и достал из него термокружку. Открыв крышку, я увидел слегка помятый с одного бока, но всё ещё очень привлекательный персик (видимо, эта вмятина осталась на нём после падения кружки). Приятный персиковый аромат наполнял воздух свежестью. Персиковый сок, скопившийся на нём в месте помятости, каплей стёк ко мне на руку и моментально высох, оставив после себя только липкое, прозрачное пятнышко. Я уже поскорее хотел откусить от него кусочек, но что-то меня останавливало это сделать.

– О, персичек! Можно мне его откусить, можно... – Ника смотрела так, как будто до этого момента никогда не видела персиков. Ещё немного подумав, я передал персик в её маленькую ладошку. Она быстро откусила настолько большой для неё кусочек, что немного поперхнулась и прикрыла рот ладошкой левой руки.

– Я тоже хочу. Можно? – Лили протянула свою правую руку к ладошке Ники. Из-за персика Ника не смогла ничего ответить и молча передала фрукт Лили. Другой ладошкой она всё ещё прикрывала рот. Лили откусила не меньший кусочек. Я что-то хотел сказать, но остановился и не смог.

– Ну, раз всем – значит всем! – протянув свою длинную руку к Лили, Строми ждал передачи персика, затем откусил большую часть оставшегося и только потом отдал мне мой персик (а вернее то, что от него осталось). Не понимая, в какой момент времени мой персик стал общей трубкой мира, я смотрел на четверть или же пятую часть изначального персика. Я разом откусил весь остаток. Мой рот наполнился свежей влагой. Затем вся влага быстро пропала. В

моей руке снова оказалась твёрдая персиковая косточка, и я поскорее выбросил её в ближайшую урну.

14

На время дневной перемены двери нашего лицея всегда запирались. Это позволяло нам и нашим учителям на один час заняться своими делами. Многие ученики проводили это время в кафе. Другие же находились на эспланаде школы и что-нибудь делали. Близнецы, с которыми мне так ни разу и не удалось заговорить до самого конца года, сейчас сидели в дальнем конце эспланады и были заняты какой-то очередной настолкой. Другие мои одноклассники переписывались в сети. Всё было очень знакомо и обыденно, но одновременно с этим как-то странно непривычно. Ещё с утра у меня было такое чувство, словно, сговорившись, все вокруг что-то подменили втайне от меня и ждут, пока я это замечу. Словно все остановились в ожидании, пока я найду заранее заготовленную вещь.

Внезапно могучие двери школы распахнулись, и через них в свет своими спокойными шагами вышел месье Бардо. На солнце его костюм поменял цвет на ярко-белый и уже издали начал слепить мои глаза, так что мне пришлось опустить голову (в свою очередь, его очки-хамелеоны моментально потемнели). Не доходя до самой эспланады, он остановился возле железного забора школы и сделал подзывающий жест в нашу сторону.

– Ник, там тебя дедушка.

Ника сразу откинула свой блокнотик и подбежала к месье Бардо, он начал что-то нашептывать ей на ухо. Я постарался уловить хотя бы одно слово, но они стояли слишком далеко, и всё было напрасно.

– Так она внучка директора? – Лили, не меняя своего положения, открыла глаза и приподняла свои красивые брови.

– Да.

– М-м, – Лили снова закрыла глаза.

– Тогда это всё объясняет, – Лили говорила приглушенно. Уже знакомый холодящий импульс построил свой путь через моё тело.

– Что объясняет?

– Да-а... – слова Лили быстро улетали в пустоту смысла. Мне снова захотелось пить.

– Что объясняет? – я ещё раз повторил вопрос и тут же сам смутился от своей напористости. Зачем-то я вцепился в слова Лили и не мог отвязаться от них.

– Да я про себя, – Лили всё ещё не открывала глаз. На её лице была тонкая, едва заметная улыбка. Кисти рук она держала в карманах своего худи. Понимая, что наш диалог не даст мне ответа, я отстал. И всё же слова Лили ещё долго не давали мне покоя и тянули к себе неизвестностью.

Видимо, закончив диалог, директор поцеловал свою внучку в лоб, и Ника быстрыми маленькими шагами вернулась к нам. Её туфельки на платформе (но без каблука) блестели на солнце, а глаза горели (или даже пылали) энтузиазмом.

– Короче, я всегда хотела организовать свой клуб по интересам. И, сейчас, дедушка... – она отвела глаза.

– Месье Бардо сказал... разрешил мне его организовать. Вы уже в списке участников.

Яркая радость наливалась личико Николь светлой улыбкой.

– А какая тематика клуба? – Лили встала и начала оттряхивать себя от пыли.

– А-а, я хотела сделать что-то связанное с мировой историей. Я бы много могла рассказать об Александре Невском и его битвах или же про “Тринадцатилетнюю войну” или ещё... – Ника перечислила ещё много абсолютно не связанных событий из мировой истории, которые ей когда-то удалось узнать. Лили стояла и слушала её, не отводя от неё глаз.

– Может, лучше взять более узкую тему? Такую широкую будет очень сложно охватить даже за целый год.

– Хм, наверное, в этом есть смысл. Тогда, может быть, надо выбрать отдельную страну и изучать только её историю? М-м, может, возьмем Россию?

– Нет, Россию точно не надо, – Строми посмотрел на Нику.

– Почему? Там большая и очень интересная история. Например...

– Там холодно, – Строми произнес свой ответ, как будто он максимально логично отвечал на вопрос Николь. Ника закатила глаза и отвернулась от Строми. Было видно, что за полтора дня общения с Эриком она успела устать от его глупых шуток, но зачем-то терпела и пыталась не реагировать на них.

– Аллен, а что ты думаешь? – Я не успел сориентироваться, так как моя голова была занята совершенно другими мыслями, и моим ответом осталась тишина. Его перехватила Лили.

– Давайте возьмём Индию. Проще искать информацию. Плюс можно фильмы про неё найти, и вообще будет супер.

– Индия тоже слишком обширно. Мы просто не успеем, – сказала Ника. Все замолчали. В воздухе повисло хоть и дружеское, но всё же напряжение. Его можно увидеть, когда у лучших друзей расходятся мнения о фильме, который они смотрели вместе, или же о любой другой несущественной вещи. Во время этого напряжения большая часть людей замолкает и пытается не высказывать своё мнение, чтобы не ранить другого. Конечно, все всё понимают, и само это понимание задевает их чувства. Обе стороны просто смолкают и ждут решения этой проблемы, которое должно прийти из неизвестного им самим места.

– Почему бы нам просто не взять Францию? Я уверен, абсолютно не каждый хорошо знает историю своей страны.

– Мне нравится! Кто ещё за? – Ника снова ободрилась. Лили молча подняла правую руку.

– Ну, мне тоже нравится. – Строми зевнул.

– Отлично, тогда через неделю будет первое собрание нашего клуба!

15

Тот день закончился невероятно быстро. Пролетели уроки второй половины нашего учебного дня, и снова наша компания ждала автобус, стоя на эспланаде, на которой в то время находились все ученики лицея. Небо уже успело поменять свой цвет и стало блёкло-оранжевым. Воздух был температуры тела и почти не ощущался. Ника что-то оживлённо рассказывала о своём будущем клубе изучения истории Франции.

– А ещё можно сделать день традиционной кухни и чтобы каждый принёс что-нибудь...

– Может, для начала проведём хотя бы первое собрание, а уже потом будем решать, как можно всё разнообразить? – Лили двумя руками держала свой рюкзак за его ручку.

– Ну, можно и так. – Ника замялась и сильно о чём-то задумалась.

Я услышал звук колёс подъезжающего сзади автобуса. Его двери открылись, и ученики неохотно стали занимать свои места в салоне. Лили пошла к открытым дверям. Моё молчаливое рукопожатие со Стрими очень сильно напоминало вчерашнее.

– Пока, Лили.

Лили уже стояла достаточно далеко, а мой голос звучал негромко. Тем не менее, она смогла услышать мои слова.

– Пока.

Уехавший автобус оставил эспланаду почти пустой. Проводив его глазами, я взглянул на Нику. Она смотрела прямо на меня. В её глазах через очки было видно явное выражение растерянности и вопроса. Свои руки она держала за спиной. Её губки пытались принять форму лёгкой улыбки, но у них это никак не получалось, и они стали больше походить на абсолютно прямую ниточку. Она молчала и всё также продолжала смотреть на меня. Её глаза были немного прищурены. Мне стало неловко или даже стыдно, но я ни как не мог понять за что.

Ника смотрела на меня достаточно долго и я испугался, что со стороны это может показаться странно. Ничего не дождавшись, Ника на секунду отвела глаза.

– Пока, – её голос звучал непривычно. Мне стало совсем не по себе.

– Пока... Только, подожди... – Ника уже опять смотрела на меня. Я чувствовал, как будто весь мир опять завис и ждёт моего хода или решения. Я же быстро старался подобрать слова.

– Слушай, ты не хочешь прийти ко мне на день рождения? – Мой голос звучал пусто и несвойственно.

– У тебя скоро день рождения? А когда надо прийти?

Пот выступил на моих ладонях. До моего дня рождения было ещё примерно два месяца, а голос Николь звучал уже с прежним энтузиазмом, и мне не хотелось это испортить.

– Он будет только через два месяца. Чуть меньше, чем через два. – Я назвал точную дату. – Я просто решил немного пораньше сообщить, чтобы ты... – Я остановился и не знал, как продолжить. Вместо продолжения, я посмотрел в глаза Ники. Они светились нежной светлой улыбкой детской радости. Губы уже не были похожими на ниточку, а стали правильной и красивой формы.

– Хорошо, – она держала свои ладошки в замке, прижав локти к телу, – Я обязательно приду.

Идя домой, я почувствовал, как мои кеды потеряли какой-либо вес и как будто стали весить меньше пушинки. Быстро растущие тени наполняли собой улицы. Я шёл по уже привычной стороне и рассматривал здания вокруг себя. В окнах жилых домов местами горел свет.

Мой взгляд остановился на темной церкви с большим окном из чёрного стекла. Впервые я задумался, почему большое окно находилось с входной стороны церкви. Насколько я знал, в церквях такое характерное окно обычно находится за алтарём и освещает его тусклым светом, но здесь оно располагалось вертикально над входом. Меня охватило любопытство энтузиаста,

я решил сейчас же зайти в церковь и посмотреть её интерьер. От исполнения этой идеи меня отделяла неширокая дорога. Наступив на проезжую часть (в то время абсолютно пустую), я одумался и остановился. Меня больше не влекло любопытство, какое-то новое чувство уже отталкивало меня от этой церкви. В ту же секунду моя идея показалась мне глупой и странной. Я вернулся на тротуар и быстрыми шагами пошёл к дому.

Оставшуюся часть пути я подводил итоги прошедшего дня. Мне отчётливо казалось, что сегодня я совершил какую-то ошибку, и из-за этого всё будто пошло не по плану. Но я не мог точно понять, когда это случилось? Просто чувствовалась странная перемена. Размышляя на эту тему, я увлёкся и чуть не прошёл дверь своего дома с ржавой цифрой восемь.

16

Зайдя в квартиру, я услышал звук включённой воды, доносящийся из ванной. На улице не было темно, но в зале уже горел свет. С кухни (с места, где она должна быть) тянуло резким запахом растворимого кофе. Я спокойно прошёл к себе в комнату.

Окно в моей комнате было закрыто ещё с прошлого вечера, и поэтому за прошедший жаркий день в ней стало душно, чувствовался запах старого деревянного паркета, смешанный с запахом картонных коробок. Я открыл окно и впустил свежий воздух в свою комнату. В окне я увидел, как раскинулся яркий, пылающий закат. Большая часть неба была беспорядочно покрыта пунцово-алыми облаками. Другая представляла собой оранжевое поле с белым и ярким кружком посередине. Я присел на подоконник. Облака стояли на месте, словно их приклеили к небу, но солнце быстро и неминуемо падало за горизонт. Я понимал, что если бы я побежал за телефоном, то скорее бы взял его в руки уже в темноте вечера, и мне хотелось просто запомнить этот необычный пейзаж. Через четверть минуты солнце превратилось в тонкую белую ниточку, и ещё через секунду она пропала, оставив оранжевое поле медленно угасать. Облака стали тёмного враждебного цвета, и вскоре от бывшего заката ничего уже не осталось. Всё стало тёмным и пустым. Звёзд ещё не было.

Я продолжал сидеть на подоконнике и, смотря во тьму, старался визуализировать огненный закат. Я представил пунцовые рваные облака, оранжевое поле, белый яркий круг, но это никак уже не могло слиться в одно изображение и просто существовало в моей голове по отдельности.

Уже нельзя было чётко разглядеть формы предметов, и я закрыл окно. Где-то в темноте я нашёл свою пижаму. Она снова была хорошо проглаженной и пахла свежестью. Когда я заходил в свободную ванную, меня обдало горячим паром, и мне пришлось чистить зубы перед непроглядно мутным зеркалом. В комнате я на ощупь нашёл одеяло, которое я использовал как матрас, и поскорее лег под простынку.

Моя голова сильно болела от насыщенного дня, и я побыстрее хотел заснуть, но уже не понятные мне мысли обрывками металась в моём сознании и не давали этого сделать. Я долго ворочался прежде, чем нашёл удачное положение и смог хоть немного расслабиться.

Обрывки мыслей грузом тащили меня к земле. Я уткнулся лицом в подушку и старался ни о чем не думать, но обрывки меня не отпускали. Мне стало душно. Перевернувшись на спину, я смотрел в тёмный потолок. В окне горело всего три звезды, но настолько яркие, что, возможно, если опустить веки, они всё равно будут видны, но уже как три белых пятнышка. Мои мысли разом превратились в одну идею о плотной занавеске. Стараясь удержать её, чтобы она не распалась на маленькие осколки, я снова лег в удобную позу и закрыл глаза.

17

Монотонный ритм школы втянул меня окончательно на третий день учёбы. Ничего больше не происходило. Вернее происходило, но одно и то же и каждый день. Я вставал, завтракал, одевался, шёл в школу, здоровался с друзьями, сидел на уроках первой половины дня, сидел на эспланаде или в булочной, сидел на уроках второй половины дня, провожал друзей на эспланаде, шёл домой и к себе в комнату, готовился ко сну и ложился спать. Каждый день был точной копией прошедшего и следующего. Нельзя сказать, что это было невыносимо. Нет. Такие дни можно сравнить с пюре. Они вязкие, однородные, каждая ложка имеет вкус и цвет, который имеет и предыдущая. Кому-то это определённо нравится, кто-то терпеть не может. Моё отношение к таким дням (и к пюре в целом) довольно холодное, но и отвращения я не испытываю.

Тем не менее, как в каждом пюре есть комочки, так и в этих днях были запоминающиеся моменты. Один раз, Строми заснул на уроке экономики, и всему классу пришлось выслушать ещё одну историю от месье Легро о снах, которые он когда-либо видел. История растянулась и закончилась только после конца часовой перемены.

Другой, Ника поскользнулась на лестнице и поцарапала коленку. Рана была неглубокой, но этого хватило, чтобы вызвать слезу у Ники. Пока я ещё не успел сориентироваться и стоял на лестнице, к Нике подбежала Лили. Одним движением левого рукава своего зелёного худи она убрала кровь, которая едва успела выступить на царапине. Тогда же, из рюкзака Лили появилась маленькая жестяная коробочка с цветными пластырями. Взяв первый попавшийся, она заклеила им ранку Ники. Ника, видимо, от растерянности быстро успокоилась. По её белому личику стекала одинокая прозрачная слеза. Лили промокнула её правым рукавом своего худи и подняла Нику на ноги. Позже я разглядел, что на том пластыре были изображены маленькие змейки.

Во время дневной перемены близнецы рассорились, видимо, из-за шахмат. Мартин уже успел схватить бедного черного коня со сколотой мордой и хотел кинуть его в лицо своего брата, но тут подбежали мы, и Строми успел удержать Мартина за руку. Конь с грохотом упал на игральную доску и сбил несколько белых фигур. Я плотно удерживал порывающегося Нарсиса.

– С4, А3! – Почти по буквам взбешённо выговаривал Нарсис.

– Было три хода! Ты мухлевал! Ты всегда... – чуть ли не с пеной у рта выкрикивал Мартин и порывался ударить брата, но Строми с силой удерживал его за обе руки. Всё это продолжалось не больше трёх минут, пока на крики не выбежал встревоженный месье Лефорт. Двумя захватами он заломил руки скандалистов и в таком полусогнутом положении довёл их до кабинета директора. В закрывающуюся дверь кабинета Строми успел запихнуть сложенную шахматную доску. Немного постояв в тишине возле двери, мы уже развернулись и хотели идти обратно, но тут дверь открылась. Из неё быстро вышел уже достаточно успокоившийся Мартин с шахматной доской под мышкой. Он вытер лоб рукавом своей рубашки и ровными шагами пошёл к лестнице на второй этаж. Удивлённые, мы переглянулись.

18

Пюре из однообразных дней протекало медленно и неспешно. Постепенно я полностью освоился в новом лице: выучил расположение классов на этажах, фамилии учителей и имена одноклассников. Всё уже было знакомо.

После уроков в среду (вторая часть дня среды была не учебной, и в этот день было всего четыре урока) Ника всегда вела свой клуб с названием «История Франции» для нашей компании (больше никто не приходил). Чаще всего это были интересные рассказы об истории одного конкретного города или же рассказ о какой-нибудь важной войне в истории. В любом случае слушать её было всегда приятно. Чувствовалось, что к каждому нашему собранию она основательно готовилась и при этом рассказывала только самое важное.

Папа постоянно работал. Каждый день, возвращаясь из школы, я заставал его сидящим на полу за своим ноутбуком, иногда папа откладывал компьютер на минуту, чтобы передохнуть и опять взять его. Конечно, до нашего переезда папа тоже много работал, да и в целом для него это было нормальным состоянием, но сейчас почему-то я чувствовал, что в нём что-то не так, не так, как было раньше. Что-то засело в нём очень глубоко и ждало своего времени. Мамы часто не было дома.

В один день, идя в школу, я заметил жёлтый листочек платанового дерева с чёрной каймой. Он одиноко лежал возле дороги, и я подобрал его. На просвет были видны жилки, идущие по всей плоскости листочка, они напоминали миниатюрное деревце. Я аккуратно сложил листик в учебник французского. У него была достаточно твёрдая обложка, и я надеялся, что листочек не повредится. Уже через неделю все улицы Лиона были усеяны листиками жёлтого и тыквенного цвета. Казалось, что эти листочки тёплые и могут обжечь руку, если к ним прикоснуться. Дорога в школу превратилась в золотистые горы огненных листьев. Всё стало сказочным.

19

Шла последняя пара первой половины дня. В высоких окнах спортивного зала виднелись разноцветные деревья и красные крыши низких домиков. Небо было светлое и этим светом наполняло весь зал. Сам зал из-за своих огромных размеров и пустоты некогда не мог находиться в тишине. Любой, даже самый тихий шёпот эхо зала превращало в звонкий гул. На улице стояла совсем теплая погода, но у лица не было уличной площадки для баскетбола, и из-за этого нам приходилось заниматься внутри школы. Уже вскоре зал должен наполниться эхом звуков мячей, стучающихся о блестящий полированный пол.

Не могу сказать, что баскетбол – это мой самый нелюбимый спорт. Я невысокий и не умею быстро бегать, но, по-моему, баскетбол – это один из интереснейших видов спорта. Нигде больше я не испытывал такого влечения к процессу игры. Словно во мне просыпался какой-то древний дикий зверь, спавший до этого внутри и никогда не проявлявший себя. Я чувствовал, как я, мяч и команда соединились в цельный механизм, и как раз эта целостность завораживала меня. Я вёл мяч до середины поля, затем делал передачу Строми, который до этого момента в молчании повторял все мои движения нога в ногу. Строми доводил мяч до кольца, а затем аккуратно помещал его в корзину (для этого ему надо было просто вытянуть руку и длинными пальцами слегка толкнуть мяч вверх). Близнецы стояли в защите и были почти неподвижны на протяжении всей игры (в нашем классе было всего четыре мальчика, поэтому к нам постоянно добавляли в команду пятого с параллели, обычно, добавленный становился в центр поля и просто подавал мячи). Наблюдать со стороны было тоже интересно. Женских команд было гораздо больше, и наблюдать приходилось много. Интереснее всего, конечно же, была команда с Никой и Лили, они постоянно проигрывали, но от этого их периоды становилось ещё занимательнее. Вернее, их реакция на свой проигрыш меня интересовала больше.

Такой интерес к баскетболу, скорее всего, мне навязал наш учитель физкультуры – месье Лефорт. Когда-то давно он работал военным, но ушёл на пенсию, а потом стал учителем. С белоснежной улыбкой из не совсем ровных неродных зубов он постоянно подкрашивал свои волосы, подстриженные под ёжик, черным, забывая при этом про свои седые брови и таким образом создавая контрастный и пугающий для некоторых образ. Больше всего он пугал девочек из нашего класса (иногда они за глаза называли его маньяком, это происходило из-за его пугающе-ласковой манеры общения с ученицами). Я не мог для себя точно определить, как мне стоит относиться к месье Лефорт. Отчасти, мне было не по себе от одного его вида, но с другой стороны, я понимал, что соотносить внешний вид и характер глупо.

20

До конца урока было чуть меньше пятнадцати минут. Лили занимала атакующую позицию вместе с какой-то крупной девочкой с нашей параллели. Ника же стояла в защите под самым кольцом.

– Никуль, ну, ты же видишь, когда девочкам нужна помощь? Ты можешь иногда выходить из защиты, чтобы подстраховать их. Давай-давай... – Улыбка месье Лефорт сочилась светом неровных зубов. На его высоком лбу были видны одиночные капельки влаги.

– Я, наверное, лучше здесь постою, – Ника держала руки по швам.

– Ну как хочешь, – месье Лефорт переключился на других игроков. Ника расслабила плечи и сложила ручки. Брови Ники были сердитыми.

Раздался звук свистка, отраженный эхом, он завис ещё на одну секунду (обычно свисток болтался на шее нашего физрука, он был блестящим и месье Лефорт носил его, скорее, в качестве украшения). Мяч был разыгран на середине поля, и его успела перехватить Лили. Вместе со стартовым свистом крупная девочка изо всей мочи ринулась в сторону вражеского поля, попутно толкая и распахивая игроков из противоположной команды (у одной после игры даже остался её след на белом кроссовке). Лили сделала передачу, но мяч перехватила оппозиция в виде невысокой девочки с нашей параллели (единственное, что я знал о ней – это то, что она занималась карате). Она обвела мяч мимо мощной и направилась к кольцу.

– Никуль, давай-давай! – Видимо, войдя в азарт, месье Лефорт усердно выглаживал пальцами свой подбородок (позже, на подбородке появились красные пятна). Не зная, чем возразить, Ника вышла из-под кольца и встала перед ним. Невысокая каратистка, обладавшая особой техникой ведения мяча (эту технику можно было назвать “Яростными шлепками”), была совсем близко к кольцу. Пытаясь её как-то остановить, но вместе с тем боясь удара мяча, Ника подбежала чуть ближе и вытянула вверх свои ручки (как это делают баскетболисты НБА, единственное различие было в росте настоящего баскетболиста и Ники), она отвела глаза и зажмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.